

6. *Nerhood H. W.* To Russia and return: an annotated bibliography of travelers' English-language accounts of Russia from the ninth century to the present. Columbus, Ohio State University Press, 1968. 367 p.
7. *Venuti L.* Introduction: Poetry and Translation // Translation Studies. Vol. 4. No. 2. 2011. Pp. 127–132.
8. *Venuti L.* The Translator's Invisibility: A History of Translation. London and New York: Routledge, 1995. 353 p.

REFERENCES

1. *Kataev V.* Trava zabven'ya. M.: Vagrius, 2007. 440 s. [elektronnaya kniga]
2. Iz perepiski Vladimira Nabokova i Edmonda Uilsona. M.: Inostrannaya literatura, 2010: [sayt]. URL: <http://nabokov-lit.ru> (data obrashcheniya: 16.02.2019).
3. *Casagrande J. B.* The Ends of Translation // International Journal of American Linguistics. Vol. 20, No. 4 (Oct., 1954). Pp. 335–340.
4. *Collet T.* Intertextuality in specialised translation: citations as semantic markers in social science // The Journal of Specialised Translation. No. 26, July 2016. Pp. 72–95.
5. *Moynahan B.* Leningrad. Siege and Symphony. Martyred by Stalin. Starved by Hitler, Immortalised by Shostakovich. Quercus Editions Ltd., 2013. 558 p.
6. *Nerhood H. W.* To Russia and return: an annotated bibliography of travelers' English-language accounts of Russia from the ninth century to the present. Columbus, Ohio State University Press, 1968. 367 p.
7. *Venuti L.* Introduction: Poetry and Translation // Translation Studies. Vol. 4. No. 2. 2011. Pp. 127–132.
8. *Venuti L.* The Translator's Invisibility: A History of Translation. London and New York: Routledge, 1995. 353 p.

В. Ю. Клейменова

ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ НЕДОСТОВЕРНОСТЬ В ТЕКСТАХ NON-FICTION: ОНТОЛОГИЯ И РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ

Дихотомия достоверность/недостоверность — частный случай эпистемической модальности, которая отражает субъективную уверенность говорящего в фактуальном статусе пропозиции. Нехудожественный текст имеет двойственный онтологический статус: он характеризуется высокой степенью достоверности, так как излагаемая информация не подвергалась художественному переосмыслению и в то же время он характеризуется высокой степенью энтропии, что снижает его достоверность, так как автор избегает однозначных суждений об истинности пропозиции. Высказывания с различными языковыми маркерами предположительной недостоверности порождают у читателя иллюзию самостоятельного принятия решения о степени фактуальности пропозиции. Автор в некатегоричной форме представляет собственное субъективное суждение как истинное.

Ключевые слова: достоверность, эпистемическая модальность, маркер выражения некатегоричности, неявный маркер недостоверности, семантическая структура слова.

PROBABLE AMBIGUITY IN NON-FICTION: ONTOLOGY AND REPRESENTATION

Truth value and ambiguity make up a dichotomy that is a particular case of epistemic modality and reflects an author's subjective opinion on the factuality of the proposition. Non-fiction is ontologically double-natured. On the one hand, it has a great truth value as the information represented in the text did not undergo any reinterpretation. On the other hand, non-fiction reveals a great deal of ambiguity as the author avoids making any categoric statements about the truth value of the proposition. The use of hedges and implicit uncertainty markers is pragmatically vital. Such linguistic means make the reader believe that s/he comes to an independent conclusion about the factuality of the proposition, though it was the author who presented their subjective opinion as truth.

Keywords: truth value, epistemic modality, hedge, implicit uncertainty marker, word semantic structure.

Любое высказывание в процессе коммуникации характеризуется той или иной степенью достоверности, поскольку его пропозиция в определенной мере соответствует ситуации, имевшей место во внеязыковой действительности. Достоверность следует рассматривать как одну из понятийных категорий, которые представляют собой «опосредованный универсальными законами мышления результат человеческого опыта» и «являются основой семантических структур языка, необходимой предпосылкой функционирования языковой системы в целом» [5]. Несмотря на то, что достоверность в отличие, например от категории количественности, вряд ли можно назвать «стабильным и устойчивым когнитивным слепком с внеязыкового мира» (в терминах А. А. Худякова [5]), она наглядно демонстрирует неоднозначный характер взаимодействия человеческого сознания и действительности, а также лежит в основе такой функционально-семантической категории, как модальность.

Современная лингвистика использует целый ряд терминов для обозначения категории, отражающей оценку степени достоверности содержания высказывания, которая сформировалась в сознании говорящего: эпистемическая модальность, модальность

истинности, модальность достоверности, внешняя субъективная модальность и т. д. Для изучения языковых средств репрезентации достоверности/недостоверности в нехудожественных текстах (non-fiction) именно первый термин представляется наиболее удачным, поскольку в его этимологии (от греческого «episteme» знание) отражается представление о результате процесса познавательной деятельности как основе индивидуальной рациональной оценки. Именно итог интеллектуального анализа оцениваемого объекта или ситуации с позиций соответствия/несоответствия действительности эксплицируется в высказываниях, выражающих предположения или уверенность.

Эпистемической модальностью характеризуется высказывание, «в котором автор эксплицирует свою неуверенность в истинности пропозиции, выраженной произнесенным предложением» [7, с. 797], или выражает свое суждение о фактуальном статусе пропозиции [8, с. 8], или уклоняется от принятия на себя ответственности за степень достоверности сообщаемой информации [10, с. 60].

Традиционно принято различать два вида эпистемической модальности: объективную и субъективную. Первая основана на логи-

ческом выводе из имеющейся у говорящего фактуальной информации и предполагает наличие возможности объективно измерить достоверность/недостоверность описываемого положения дел, вторая представляет собой сугубо субъективное предположение, уверенность говорящего в истинности пропозиции [7; 8]. Читатель нехудожественного текста интерпретирует высказывания, которые, на наш взгляд, характеризуются двойственной эпистемической модальностью: с одной стороны, автор эксплицирует свою личную уверенность в достоверности/недостоверности содержания высказывания, с другой стороны, он представляет субъективную оценку как объективную, основанную на данных, которые, в силу своей общеизвестности не требуют верификации. Такие высказывания оказывают более сильное воздействие на читателя, чем прямые утверждения, поскольку их пропозиция воспринимается как вероятностная, как имеющая место в одном из возможных ментальных миров, конструируемых человеческим сознанием. Таким образом, двойственная эпистемическая модальность сближает текст *po-fiction* с художественным текстом, который репрезентирует «уникальный вариант интерпретации действительности с точки зрения автора текста» и собственную иерархию модальных значений, в которой «именно субъектно-оценочная модальность является основой концептуального пространства текста, ибо она представляет собой мнение автора о мире, в основе которого всегда лежит познавательная оценка» [1, с. 134].

В нехудожественном тексте данные о вне-текстовой действительности могут быть представлены либо как аксиоматичные для членов данного языкового сообщества знания, либо как знания, полученные от третьих лиц (с указанием источника или без него). Следовательно, наличие эвиденциального компонента в структуре высказывания с эпистемической семантикой не является обязательным, что позволяет трактовать одно и то же высказывание и как эпистемическое

(оценка достоверности эксплицирована, источник информации может быть не указан), и как эвиденциальное (источник информации указан). В первом случае вопросы «Кто знает? Откуда? Когда узнал?» и многие другие, которые могут способствовать верификации информации, оказываются нерелевантными. Маркированная эвиденциальность рассматривается в статье как способ организации высказывания, который позволяет автору частично снять с себя ответственность за достоверность информации. Поскольку автор не рассказывает о событиях, непосредственным участником или свидетелем которых он являлся, то в нехудожественном тексте представлены высказывания, характеризующиеся косвенной эвиденциальностью. Автор основывается на данных, которые ему сообщили, или предлагает свои умозаключения, сделанные на основе этих сообщений, то есть порождает цитативы и инферентивы (в терминах Е. В. Падучевой) [3, с. 25].

Рассмотрим лексические средства, которые используются автором нехудожественного текста для вербализации предположительной недостоверности. Учитывая, что описываемая в книге М. Sixsmith «The Litvinenko File» денотативная ситуация (смерть А. Литвиненко вследствие попадания в его организм полония-210) вызвала большой общественный резонанс, незначительное число модальных фраз и сочетаний с эго маркированными элементами, выражающими семантику мнения, представляется прагматически значимым. Автор таким образом не декларирует истинность своих утверждений, не предлагает однозначных формулировок собственного мнения о происходящем. Текст обретает большую диалогичность: читателю предлагается принять участие в процессе поиска истины и на основе выводного знания сформировать собственную позицию в общественной дискуссии по проблеме.

В тексте репрезентирована разная степень ответственности автора за достоверность информации, сообщаемой в моделируемом процессе коммуникации. Для смягчения

категоричности высказывания автор пользуется риторической стратегией хеджирования, использование которой предполагает, что «говорящий включает в свое высказывание специфические термины, структуры или просодические формы, и, таким образом, сигнализирует либо о неполной уверенности в том, что выражение или термин полностью соответствует требованиям, предъявляемым к членам данной категории, либо о намеренном изменении иллюкативной силы высказывания» [6, с. 201].

Маркеры выражения некатегоричности (хеджи) обретают особую прагматическую значимость, если при анализе текста принимать во внимание закон экономии языковых средств, согласно которому коммуникативно избыточные элементы опускаются, обеспечивая передачу максимального объема информации минимальным количеством единиц. Таким образом, экспликация оценки пропозиции как предположительно недостоверной является, с точки зрения автора, обязательной; она не поддается ни понятийной, ни вербальной редукции, оставаясь всегда формально выраженной. Лексические единицы, выражающие некатегоричность, маркируют границы возможного мира, в котором предположительно недостоверные утверждения являются истинными. Благодаря их использованию предположительно недостоверная пропозиция наделяется такими характеристиками, как:

- непротиворечивость — отсутствие элементов и признаков логически несовместимых с нормами внетекстовой реальности;
- вариативность — допустимость существования во внетекстовой реальности более чем одного логического обоснования истинности/ложности суждения;
- объективность — представление максимально широкого спектра возможных вариантов оценки степени достоверности данных.

Языковые средства смягчения категоричности высказывания в тексте non-fiction одновременно следует рассматривать и как маркеры эпистемической модальности в ло-

гически обоснованных суждениях, которые основаны на знании. Традиционно первое место среди таких маркеров отводится модальным глаголам, вводным и модальным словам (аксиологическим операторам). Например, А. В. Бондарко отмечает, что говорящий выражает степень своей уверенности в достоверности сообщаемого, используя модальные наречия, вводные слова, а также сложноподчиненные предложения с изъяснительными придаточными, в которых главное предложение содержит модальную оценку того, что выражено в придаточном [2, с. 67]. Однако изучение эмпирического материала показывает, что список языковых средств экспликации предположительной недостоверности как семантического варианта эпистемической модальности значительно длиннее и включает в себя глаголы говорения, глаголы познания/рассуждения, маркеры эвиденциальности, лексические единицы с семой «известный», эвфемизмы, литоты, риторические вопросы. Эти неявные маркеры предположительной недостоверности косвенным образом репрезентируют авторскую оценку и обеспечивают высокую эффективность воздействия на читателя. Анализ вышеперечисленных языковых средств позволяет интерпретатору не только делать выводы о степени убежденности автора в истинности сообщаемой информации или о его готовности принимать на себя ответственность за степень ее достоверности, но также обнаружить скрытые смыслы и прагматические установки, а также сформировать собственное мнение.

В современной коммуникативной лингвистике достоверность рассматривается как категориальное пространство градуально-амбивалентного типа, в котором между полюсами достоверность и недостоверность расположены категории видимость, несомненность, кажимость и т. д. [4, с. 137–138]. Предположительная недостоверность пропозиции также представляется величиной градуируемой, и в соответствии со степенью нарастания сомнений в истинности автор-

ских утверждений (от «практически не вызывающие сомнений данные» до «данные, требующие тщательной проверки») ее неявные маркеры могут быть расположены в следующем порядке.

(1) Информация представлена как «практически достоверная», она не нуждается в верификации, так как входит в фонд основополагающих знаний языкового сообщества, что маркируется лексическими единицами с семой «совокупное мнение».

The view of Litvinenko as a fantasist, or at least an overly obsessive zealot in the anti-Putin cause, was *widespread* [9, с. 59].

Имя прилагательное *widespread*, в семантической структуре которого присутствует квантитативный компонент «известный многим», маркирует максимально высокую степень достоверности пропозиции, принимаемой языковым сообществом «по определению» («accepted by or occurring among many people» [11]) и не основанной на каких-либо данных.

As long as Berezovsky was powerful, no one would touch Litvinenko, that was *clear* [9, с. 120].

Имя прилагательное *clear* («definite, intelligible, unmistakable, transparent, distinct» [11]) также можно рассматривать как гарантию соответствия изложенного положению дел в мире и читатель, таким образом, освобождается от усилий по верификации.

Субъективная оценка автора не эксплицируется, она представлена как совпадающая с общепринятой.

(2) Информация представлена как «условно достоверная», ссылки на источник снижают категоричность высказывания, создавая у читателя иллюзию возможности верификации данных в случае возникновения сомнений в их подлинности. Использование маркеров эвиденциальности в таких примерах позволяет автору уклониться от высказывания субъективной оценки достоверности пропозиции, поскольку его личное участие в процессе коммуникации не декларируется. В качестве источника

информации может быть указан отдельный человек

Marina Litvinenko claims that at least one of the men was already working as a double agent for the Kremlin even before 17 November [9, с. 115],

According to Shvets, he and Litvinenko had been given a one-year contract at a fee of \$100,000 to investigate five Russian individuals on behalf of a reputable British company [9, с. 251],

или группа людей, объединенных неким общим признаком и поименованная придаточным предложением

Those who knew Peter Clarke spoke of him as a meticulous, thorough and dedicated officer ‘married to his job’ [9, с. 196],

или собирательным именем существительным

Having spoken to *the authorities*, it was time to speak to the men at the coalface [9, с. 281],

или именем существительным в сочетании с неопределенным местоимением

Some people say that one of them may have been behind the murder ... [9, с. 118].

Субъективная оценка автора не эксплицируется, предполагается, что она совпадает с мнением источника. Оценка степени достоверности информации читателем определяется компетентностью и надежностью названного источника информации, поэтому использование номинативных единиц, относящихся к тематической группе «осведомленные лица» (*expert, those who knew, specialist, authorities, contact*) снижает предположительную недостоверность высказывания, а единиц из группы «непрофессионал» (*people, company, those present, everybody*) — наоборот повышает ее.

(3) Информация представлена как «кваздостоверная»: она распространяется среди членов языкового сообщества как слух, молва, вследствие чего не может быть верифицирована, поскольку в сообщении источник сведений подразумевается, но не называется. Для вербализации совокупного мнения используются глаголы говорения или глаго-

лы интеллектуальной деятельности (глаголы познания, рассуждения) в страдательном залоге, а также значимое отсутствие в предложении лексических единиц с агентивным значением. Степень предполагаемой достоверности информации снижается, она воспринимается как предположительно недостоверная, но в то же время необходимая, так как снимает энтропию в ситуации информационной неопределенности.

It was widely rumoured but never proven that Berezovsky had taken Sasha onto his payroll as an informant within the FSB. [9, с. 97]

Litvinenko was said to have fabricated forensic evidence to frame Babkin as a terrorist <...> [9, с. 125].

Глаголы *to rumour*, *to say* содержат в своем интенционале сему «целенаправленная речемыслительная деятельность», поскольку информация не может распространяться сама по себе без участия человека. Однако, отсутствие указаний на источник информации не позволяет читателю ни верифицировать анонимные утверждения, ни вступить в дискуссию с их авторами; ему остается только принять их на веру.

Аналогичную прагматическую задачу решают дериваты глаголов, относящихся к названному семантическим группам:

<...> the presumed murder on British soil of a British citizen <...> was not something he could sweep under the carpet with a few platitudes and expression of regret [9, с. 57].

The words attributed to Sasha are eloquent, polished and moving in their cold fury [9, с. 66].

He reportedly betrayed covert agents in the UK and elsewhere who were rounded up and expelled [9, с. 307].

Особенно следует отметить значительную частотность использования глагола *to allege* («to claim or assert that someone has done something illegal or wrong, typically without proof» [11]) и его дериватов, что свидетельствует об их высокой эффективности как неявных маркеров предположительной недостоверности.

Berezovsky's critics allege that Litvinenko was an agent provocateur for his patron [9, с. 97].

He allegedly speaks, for instance, about hearing 'the beating of the wings of the angel of death at my back' [9, с. 66].

The alleged order to kill Boris Berezovsky threw Sasha and his comrades into a panic [9, с. 90].

Семантическая структура глагола *to allege* содержит элементы «недоказуемость», «негативная оценка», которые повышают предположительную недостоверность высказывания. Субъективная оценка автора не эксплицируется, однако высокая частотность цитирования непроверенных сведений формирует представление о том, что он, как и остальные члены языкового сообщества, не оспаривает истинность пропозиции. Автор оценивает представленные сведения как совокупное мнение, передаваемое членами языкового сообщества «из уст в уста». Пропозиция, представленная как мнение большинства, воспринимается как разделенное знание, истинность которого не вызывает сомнения.

(4) Информация представлена как «вероятностно достоверная»: она поступила от анонимного источника, с которым автор вступил в диалог. Таким образом, говорящий вербализирует свою роль посредника в процессе литературной коммуникации, подчеркивает личное участие в сборе данных, не уклоняется от личной ответственности за их достоверность. Использование местоимений первого лица создает эффект присутствия.

When I spoke to his <Peter Clarke's> informants, they told me his questioning — or that of the detectives he had sent on his behalf — had been thorough, detailed and extremely knowledgeable [9, с. 196].

I would personally have to interrogate the men and women who knew the truth [9, с. 268].

My contact said the Tsepov case showed enough similarities with Litvinenko's to suggest that polonium had been used at least once before <...> [9, с. 287].

Анонимные субъекты — источники информации — выражены именами существительными как в единственном, так и во множественном числе, следовательно, можно утверждать, что противопоставление по принципу «единичность-множественность» релевантно для определения степени достоверности высказывания. Использование формы единственного числа свидетельствует о соотнесенности пропозиции с реальной единичностью, а не об употреблении в обобщенно-собирательном значении, и, следовательно, о более высокой, по сравнению с формами множественного числа, степени предположительной недостоверности. Анонимность источников позволяет автору трансформировать информацию, выдавать порождения личной фантазии за чье-то мнение, переплести истину и ложь.

В описанных ситуациях автор принимает на себя ответственность за достоверность пропозиции и приглашает читателя поверить ему.

(5) Информация представлена как «вызывающая значительные сомнения»: использование нескольких маркеров предположительной недостоверности повышает когнитивную активность читателя, который определяет истинность/ложность пропозиции. Избыточность языковых маркеров обеспечивает кумулятивный эффект — читатель, с высокой долей вероятности, делает вывод, соответствующий интенции автора.

The suspicion was that one of them, at least, may just have been pretending to rebel and pretending to be Sasha's comrade in arms. Some people say that one of them may have been behind his murder [9, с. 118].

В двух предложениях автор использует 6 маркеров предположительной недостоверности: модальный глагол *may*, лексические единицы, содержащие сему «несоответствие реальности» (*suspicion, pretend*), маркер косвенной эвиденциальности (*Some people say*).

(6) Информация представлена как «предположительно недостоверная», поскольку автор указывает на сомнительность источника информации, не заслуживающего особого доверия. Категоричность высказывания (отсутствие прямого обвинения источника во лжи) обеспечивается использованием эвфемизмов

<...> although it should be said that in his memoirs Korzhakov's accounts of events are often *highly colourful and exaggerated* [9, с. 173],

литоты

<...> she was *hardly an objective observer* and herself says she took little interest in his political and business dealings [9, с. 58],

риторического вопроса

And if Sasha's words were being improved by judicious editing, *how credible is the document as a whole?* [9, с. 67].

Субъективная оценка автора не эксплицируется, он имитирует свою отстраненность от пропозиции. У читателя, который расшифровывает информацию, закодированную различными стилистическими приемами, возникает чувство сопричастности процессу верификации недостоверных данных и установления истины.

Подводя итоги, следует сказать, что в художественном тексте лексико-стилистические средства маркирования предположительной недостоверности образуют целостную структурированную систему, элементы которой дополняют друг друга и влияют на формирование модальной и иллокутивной составляющих предложения. Избыточность языковых средств актуализации предположительной недостоверности и смягчения категоричности не является проявлением стихийности в коммуникативном поведении. Автор создает у читателя иллюзию самостоятельного принятия решения об истинности/ложности высказывания, позволяет читателю на основе принятого решения сконструировать возможный мир, соответствующий заданным автором параметрам, и, таким образом, регулирует поведение адресата.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бабенко Л. Г.* Оценочный фактор в формировании модального пространства текста // Оценки и ценности в современном научном познании: сб. науч. тр. Калининград, 2009. С. 133–142.
2. *Бондарко А. В.* Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990. 264 с.
3. *Падучева Е. В.* Модальность // Материалы к Корпусной грамматике русского языка. Глаголы. СПб.: Нестор-история, 2016. С. 19–94.
4. *Панченко Н. Н.* Достоверность как коммуникативная категория. Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2010. 322 с.
5. *Худяков А. А.* Понятийные категории как объект лингвистических исследований // Аспекты лингвистических и методических исследований: сб. науч. тр. Архангельск: ПГУ им. М.В. Ломоносова, 1999. 123 с. URL: <http://doc.knigi-x.ru/22filologiya/6741-1-ponyatiynie-kategorii-kak-obekt-lingvisticheskogo-issledovaniya-vvedenie-vopros-mislitelnoy-osnove-yaz.php> (дата обращения: 20.02.2019).
6. *Fraser B.* Hedging in Political Discourse. URL: <http://www.bu.edu/wheelock/files/2010/10/2010-Hedging-in-Political-Discourse-The-2007-Bush-Press-Conferences.pdf> (дата обращения: 15.02.2019).
7. *Lyons J.* Semantics. Cambridge: Cambridge University Press, 1977. V. 1. 357 p.
8. *Palmer F. R.* Mood and Modality. Cambridge: Cambridge University Press. 2001. 236 p.
9. *Sixsmith M.* The Litvinenko File. L.: Pan Books, 2008. 320 p.
10. *Thompson G.* Introducing Functional Grammar. London: Arnold Edward, 1996. 310 p.
11. ABBYY Lingvo Dictionary. URL: <https://www.lingvolive.com/> (дата обращения: 01.03.2019).

REFERENCES

1. *Babenko L. G.* Otsenochnyj faktor v formirovanii modal'nogo prostranstva teksta // Otsenki i tsennosti v sovremennom nauchnom poznanii: sb. nauch. tr. Kaliningrad, 2009. S. 133–142.
2. *Bondarko A. V.* Teoriya funktsional'noy grammatiki. Temporal'nost'. Modal'nost'. L.: Nauka, 1990. 264 s.
3. *Paducheva E. V.* Modal'nost' // Materialy k Korpusnoy grammatike russkogo yazyka. Glagoly. SPb.: Nestor-istoriya, 2016. S. 19–94.
4. *Panchenko N. N.* Dostovernost' kak kommunikativnaya kategoriya. Volgograd: Izd-vo VGPU «Peremena», 2010. 322 s.
5. *Hudyakov A. A.* Ponyatiynye kategorii kak ob"ekt lingvisticheskikh issledovaniy // Aspekty lingvisticheskikh i metodicheskikh issledovaniy: sb. nauch. tr. Arhangel'sk: PGU im. M.V. Lomonosova, 1999. 123 s. URL: <http://doc.knigi-x.ru/22filologiya/6741-1-ponyatiynie-kategorii-kak-obekt-lingvisticheskogo-issledovaniya-vvedenie-vopros-mislitelnoy-osnove-yaz.php> (data obrashcheniya: 20.02.2019).
6. *Fraser B.* Hedging in Political Discourse. URL: <http://www.bu.edu/wheelock/files/2010/10/2010-Hedging-in-Political-Discourse-The-2007-Bush-Press-Conferences.pdf> (data obrashcheniya: 15.02.2019).
7. *Lyons J.* Semantics. Cambridge: Cambridge University Press, 1977. V. 1. 357 p.
8. *Palmer F. R.* Mood and Modality. Cambridge: Cambridge University Press. 2001. 236 p.
9. *Sixsmith M.* The Litvinenko File. L.: Pan Books, 2008. 320 p.
10. *Thompson G.* Introducing Functional Grammar. London: Arnold Edward, 1996. 310 p.
11. ABBYY Lingvo Dictionary. URL: <https://www.lingvolive.com/> (data obrashcheniya: 01.03.2019).